

НИЖЕГОРОДСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

2, 2014

ТЕМА НОМЕРА

*Модернизация образования:
инновационные подходы*

*Современная экономика
и система профессионального
образования*

*Гуманитарная экспертиза
инновационной деятельности*

*Культурологический подход
в образовательной практике*

Инновационный потенциал личности

Неформальное образование

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УНИВЕРСУМ ГОРОДА: ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФСКОЙ УРБАНИСТИКИ

В. П. СОЛОМИН,
доктор педагогических
наук, профессор, ректор
РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург)
ffch@herzen.spb.ru

Л. Н. ЛЕТЯГИН,
кандидат филологических
наук, декан факультета
философии человека
РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург)
ffch@herzen.spb.ru

Д. Ю. ИГНАТЬЕВ,
кандидат философских
наук, доцент кафедры
эстетики и этики
РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург)
ffch@herzen.spb.ru

Статья посвящена изучению Мирового города как ценностного универсума. Избранный подход предполагает применение герменевтических подходов в анализе учебного материала. Этнос С.-Петербурга раскрывается через исследование языков городской культуры, позволяющих постигать аксиологический смысл петербургского культурного текста.

The article is devoted to the study of the City as the universe of the educational values. The chosen approach implies the application of hermeneutic methodology in the urban culture analysis. The educational potential of Saint-Petersburg is revealed through the city cultural languages research enabling to comprehend the urban text axiological meaning.

Ключевые слова: философская урбанистика, этнос Петербурга, интеллектуальная топография, аксиогенез, образовательный универсум

Key-words: *philosophical urban studies, ethics of Saint-Petersburg, intellectual topography, formation of valuables (axiogenesis), educational universe*

В 2014 году в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена начинается реализация новой образовательной программы подготовки магистров по направлению педагогическое петербурговедение.

Культурная политика в сфере образования – показательно важный вопрос, затрагивающий сегодня различные сферы модернизации высшей школы. Губернатор С.-Петербурга С. Г. Полтавченко в своем выступлении на открытии II Санкт-Петербургского Международного культурного форума (декабрь 2013 года) инициировал идею создания в городе средних учебных заведений с углубленным изучением куль-

туры Санкт-Петербурга. Программа такого учебного заведения не может ограничиваться узко понимаемым краеведческим ракурсом своих образовательных возможностей. Главная цель – сохранение уникального петербургского этоса, представляющего собой факт самостоятельной, четко различимой и укорененной в сознании горожан культурной традиции. Именно этот тип отношений должен сохраняться и развиваться в Северной столице как доминирующий в культурном поведении. Такая постановка задачи соответствует определявшейся на протяжении трех столетий культуропорождающей миссии Санкт-Петербурга, его положению в национальном и мировом историческом ландшафте.

Культура – не накопление духовных ценностей, а потребность их воспроизводства, специфика презентации в настоящем времени и создаваемом сегодня образе будущего. Именно образование выступает регулятором аксиогенеза, что превращает его в важнейший стратегический ресурс. От того, как этим потенциалом мы сможем воспользоваться, самым непосредственным образом определяются культурные перспективы XXI столетия.

Став волею исторических судеб самым европейским городом России, Санкт-Петербург был и остается городом национальных приоритетов. Это особенно значимо в современном глобализирующемся мире, в котором происходит активная утрата уникального, единичного, неповторимого, нигде более не представленного культурного наследия. Как культурная столица России Санкт-Петербург вправе предложить деятельную образовательную модель, отвечающую современным интеграционным тенденциям, что определяется необходимостью обретения лидерских позиций в мировом образовательном пространстве.

В условиях формирования знаниевой экономики речь идет о поддержке уникального образовательного капитала. Педагогическое петербурговедение – образовательный проект, ориентированный не только на перспективы профессионального роста выпускников Герценовского университета, но значительно в большей мере определяющий мировоззренческие позиции выпускников петербургских школ, а значит и новые тенденции городской молодежной политики.

«Градовное смышление» – один из разделов средневековой философии. В русских «азбуковниках» XVII века данное понятие было представлено как языковая калька др. греч. *πολιτική* < от *πόλις*, и отражало совокупное знание о системе политических учений.

В соответствии с мировоззрением Нового времени данное понятие раскрывается как образный планировочный концепт, реализующийся в продуманной и выверенной системе градостроительных установок Санкт-Петербурга. Отражая определенный идейно-политический смысл, «градовное смышление» приобретает, т. о., «зримые» функциональные характеристики. Эстетическим воплощением данной тенденции станет образная структура Северной столицы – с ее принципом регулярности и строгой регламентированности.

Санкт-Петербург – город Идеи. Он возникает и обустроивается как «Третий Рим», «Новый Амстердам», «Северная Пальмира» ... Возможность продолжения устойчивого списка географических перифраз подчеркивает, что культурный потенциал С.-Петербурга проведением подобных аналогий не ограничивается и не исчерпывается. Каждый из мировых центров (за исключением Рима), оцениваемый как конкретный прецедент, не способен раскрыть в своей вневременной полноте образный строй и исторический опыт новой российской столицы.

С.-Петербург возник как прорыв России к мировому диалогу. По утверж-

дению Ю. М. Лотмана, «Петербург был своеобразным экстерьером императорской России, обращенным к Европе»¹. Имперские фасады «культурной столицы» выступают как идейные и материальные «оболочки» петербургского мифа. Северная столица позиционирует себя как «вывеска» Новой России, а для самой России как «реклама» европейского образа жизни. Санкт-Петербург был замыслен как «Град» и только воплощался на протяжении столетий как город. Идея «Града» для обывательского сознания неуютна, существует вразрез с тем, «како подобаеть жительствовати» (отсюда правомерный образ «умышленного города» у Ф. Достоевского).

Историософия мировых культурных центров – важнейшая гуманитарная проблема, не получившая до настоящего времени своего должного осмысления.

На примере современных мегаполисов становится особенно ощутимо, насколько цивилизационная история человечества и его культурная история оказываются разобщены.

В глобализирующемся мире образовательная политика не может мыслиться вне диалога. Как субъекты ценностного взаимодействия город и человек сегодня включены в напряженные отношения отчуждения и притяжения, взаимного постижения и утраты естественных моделей общения. Культура современных городов зачастую оказывается представлена в виде обособленных локусов (музеев, архивов, библиотек), все в большей степени утрачивающих свой коммуникативный статус. Именно этим определяется нередкое сегодня состояние краудинга – специфического стресса, переживаемого человеком из-за сужения интеллектуального пространства.

Семантический мир города шире, чем мир его физических реалий. Активный рост городских агломераций предполагает не только присоединение новых территорий, но и накопление, «аккумуляцию» исторических смыслов, технология воспроизводства которых представляется сферой наиболее проблемной. Речь не столько об актуальности образовательной репрезентации прошлого, сколько об аксиологическом единстве процедур исторического знания и исторического познания, возможности использования исторического пространства города как образовательной и воспитательной среды. При таком подходе город предстает перед нами как универсум духовных констант, как система ментальных и поведенческих характеристик горожан. Город воспитывает самим своим обликом, формируя нравственные и эстетические координаты ценностного самоопределения человека. Было бы наивным полагать, что для формирования определенных нравственных качеств, характерных для петербургского типа личности, было бы достаточным оказаться в пространстве, очерченном строгими линиями воды и гранита. Формирование аксиосферы личности возможно лишь при адекватном прочтении петербургского текста, при гармоническом соотношении собственных поведенческих практик с культурным контекстом города. Подобный подход можно было бы условно назвать нравственной герменевтикой петербургского текста.

Как отмечал Ю. М. Лотман, с пушкинской эпохи понимание городских реалий «следует связать со специфически "петербургской" традицией оживления и одухотворения архитектуры и – шире – города как единого живого существа»². Это определяет сильную ментальную напряженность урбанистического бытия, сопряженного с осуществлением герменевтических процедур по отношению к смысловой ткани города. Предельная сложность участия человека в системе городской коммуникации объясняется тем, что город протяжен не толь-

ко и не столько в пространстве, сколько во времени. Мера включенности в систему городской культуры определяется степенью овладения навыками урбанистической герменевтики как искусства ценностного постижения, программы чтения и интерпретации городского текста.

Архитектурные ансамбли Петербурга – одно из зримых, а потому наиболее ярких слагаемых его образной структуры. Уникальность Северной Венеции определялась совпадением природных и культурных факторов – равнинным характером рельефа дельты Невы и высочайше определенным высотным регламентом застройки столицы, не допускавшего вплоть до начала XX века возведение любых частных строений выше главной императорской резиденции – Зимнего дворца (*его высота составляет 11 саженей, т. е. 23,47 метра*). Третьим немаловажным «зримым» фактором высотной фактуры города выступал естественный рост деревьев – многочисленных садов и парков его исторического центра.

Основа градостроительного принципа Петербурга – линейность – определяет классичность его державного облика, создававшегося на протяжении трех столетий. Главное, что сохраняется от великих зодчих Петербурга в его образе до настоящего времени – масштаб их личности и масштаб эпохи, ставшей переломной в русской истории.

«Поэзия Петербурга. Понятие трудноопределимое. Но мы, петербуржцы, это отчетливо чувствуем»³, – писал один из наиболее чутких художников Петербурга Ю. Анненков. В меньшей степени это было очевидным для взгляда просвещенного европейца, не скованного предвзятостью оценок. Датский критик Георг Брандес предложит аргумент, который в характеристике образной атмосферы новой российской столицы можно считать определяющим: «Истина в том, что когда смотришь на Зимний дворец в Петербурге, возведенный по проекту итальянца Растрелли, или на прекрасную конную статую, изваянную французом Фальконе <...>, то снова и снова спрашиваешь себя, что же сделали, собственно, сами русские. Но вместе с тем понимаешь, что русские использовали труд чужеземцев в своем национальном духе...»⁴. Возможно, именно поэтому город-порт – цитатно продолживший в своем архитектурном облике ряд классических европейских портиков и церковных порталов – отстоял право на свою стилистическую неповторимость и уникальность исторической судьбы.

Применительно к С.-Петербургу в выборе критериев, уточняющих и дополняющих аспектологию национально-этнической идентичности, обращение к фактам *идентичности пространственной* представляется показательно актуальным. Опыт построения «национальной географии» может рассматриваться как один из наиболее действенных критериев самоорганизации городских систем. Самый европейский город России поражал своим российским масштабом. «Эта сияющая безбрежность казалась самой прекрасной феерией, какая только может привидеться в грезах. Вдали, между молочной водой и перламутровым небом, опоясанный венком зубчатой стены в башенках, медленно вставал прекрасный силуэт Санкт-Петербурга, аметистовые тона которого демаркационной линией разделяли две бледные безграничности – воздуха и воды. Золото куполов и шпилей сияло на самой богатой, самой изумительной диадеме, которую когда-либо мог нести город на своем челе. Вот и похожий на тиару Исаакиевский собор меж четырех колоколен вознес свой золот купол, на Адмиралтействе взметнулась сияющая стрела, церковь Михаила Архангела по-московски округлила свои купола, и Сторожевая церковь заострила пирамидальные, украшенные линиями, полосами ребристые верхушки, а далее

засверкало металлическими отблесками множество колоколен. Что может сравниться в великолепии с этим золотым городом на серебряном горизонте, над которым вечер белеет рассветом?»⁵. Так описывал французский поэт Теофиль Готье панораму С.-Петербурга, открывавшуюся ему с борта корабля. В своей эстетической планометрии город раскрывается как мир. Именно в этом ключе следует понимать мысль Александра Бенуа о С.-Петербурге: «Он если красив, то именно в целом или, вернее, огромными кусками, большими *ensemble*'ами, широкими панорамами, выдержанными в известном типе – чопорном, но прекрасном и величественном...»⁶.

Ракурс аксиологической герменевтики позволяет анализировать основные этические и эстетические ценности в их зримом воплощении в феноменах городской культуры. Изучение иерархии городской среды, системы его формообразования, способов его структурирования раскрывают онтологические основания аксиосферы урбанистической культуры, обнаруживая неслучайность осуществления событий в контексте культурной истории. Город интегрирует и синтезирует разнообразные языки культуры. С повышением структурности городского текста повышается степень его информативности. Однако образная система города не складывается механически. Педагогическое петербурговедение рассматривает город как совокупность запечатленного многообразия смыслов и ценностей. Подобный подход и определяет специфику аксиологической герменевтики, предполагающей изучение петербургской культуры в его отношении к создающему образ города субъекту действия.

Именно поэтому город как текст никогда не оказывается равным самому себе. Подобно тому, как художественный текст стремится быть истолкованным и переведенным, чтобы явить многообразие собственных смыслов и образов в универсуме читательской рецепции, так и город стремится воплотить идею «града» в бесконечных вариациях поликультурной городской среды. В ряде случаев очевидно, что идея города диктует условия даже на функциональном уровне – метафизика города «пробивается» через физику пространства. Такова, например, идея геометризма Санкт-Петербурга, различно, но неизменно проявляющаяся во все эпохи формирования городского ландшафта. Речь идет о фундаментальном мировоззренческом совмещении «правильных» геометрических начал в политике и градостроении, реально воплощенном в идеальном пространстве земного парадиза. Об этом говорил Лейбниц, утверждая в «*Novissima Sinica*», что «геометрию сегодня следует рассматривать не как область ремесленников, а как область философов». Архитектурные ансамбли Петербурга – одно из зримых, а потому наиболее ярких слагаемых петербургского мифа. Именно поэтому, избегая «буквальных прочтений» городских урочищ, позволительно указать на степень *оче-видности* отразившейся и запечатленной в них культурной памяти.

Каким образом единичные факты формируют целостный образ города, его истории в потоке событий? Понятие «универсальный» в этом случае необходимо рассматривать не как «вселенский», «всеохватный», «всеобщий», а как сохраняющий сущностное единство при всех исторических поворотах. Универсум города – это единство содержательных пре-вращений, обеспечивающих непрерывность культурной традиции, которой мы равной степени принадлежим.

«Вертикаль» истории предполагает рассмотрение пространства Мирового города в «относительной одновременности» прежних и новых смыслов, определяющих сегодня ценностный баланс – потенциал взаимодействия и взаимообогащения культур. Принципиально значим

вопрос о методологических вызовах петербурговедения, о специфике петербургской точки зрения на культурный статус Мирового города.

В культурном опыте «Третьего Рима» формула *Urbi et Orbi* сохраняет актуальность исторического послания, адресованного всему мировому сообществу. Это ответ на актуальный вопрос о сохранении культурных констант и общечеловеческих ценностей, необходимости поддержания мировым социумом единства ценностных позиций. В принципиальном смысле – это ответ на вопрос, какую роль сегодня может сыграть отдельный Город в культуре Мира.

Педагогическое петербурговедение своей задачей предполагает формирование способности видеть в современном Петербурге величие петровского проекта, программную глубину его изначального замысла. В образовательном смысле это значит вновь и вновь открывать непреходящие для современных петербуржцев смыслы Вечного.

История Санкт-Петербурга – история больших событий. Город воспитывает и учит – учит своим примером, неповторимостью своей истории, беспримерностью военного подвига, уникальностью всей своей судьбы. Методология философской урбанистики, конкретизирующаяся в педагогическом модусе петербурговедения, позволяет изучать город как образовательный континуум, преобразующий в процессе постижения городского текста разрозненную учебный материал в лично значимое знание. Сохранение этоса Санкт-Петербурга как доминирующего типа культурного поведения предполагает принципиальное обновление информационной политики, отражающей уникальность культурного опыта С.-Петербурга.

Этот опыт уникален с точки зрения сохранения и воспроизводства ценностных констант в условиях перманентного межкультурного диалога и активных миграционных процессов. Сегодня существует настоятельная необходимость сделать петербурговедение важной составной частью университетского образования, реализуемого в учебных программах нового поколения. Образовательное «открытие» С.-Петербурга актуально не в академическом обращении к классическому петербургскому опыту, а в общенациональном поиске источника и центра духовного бытия, консолидирующей национальной идеи.

Превращение городского пространства в пространство образовательного диалога позволяет скорректировать вектор образовательной политики, целью которой становится прогнозирование устойчивого развития всей аксиосферы города. Своеобразный антропоцентризм предлагаемого образовательного направления определяется культурной миссией педагогического университета, стремящегося к осмыслению природы и культуры в их отношении к человеку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю. М. Художественный ансамбль как бытовое пространство // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. – Таллинн: Александра, 1993. – Т. III. – С. 319.
2. Лотман Ю. М. Непредсказуемые механизмы культуры. – Таллинн: TLU Press, 2010. – С. 182-183.
3. Анненков Ю. П. Дневник моих встреч: [В 2 т.]. – Л.: Искусство: Ленингр. отд-ние, 1991. – Т. I. – С. 106.
4. Брандес Г. Русские впечатления. – М.: ОГИ, 2002. – С. 54.
5. Готье Т. Путешествие в Россию. – М.: Мысль, 1988. – С. 26-27.
6. Бенуа А. Н. Живописный Петербург // Мир искусства. – 1902. – Т. 7. – № 1. – С. 2-3.